

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930 (470) “20/21”

Кучин Ю.С.

Московский государственный областной университет

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КРИВИЧЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕР. XX В. – НАЧ. XXI В.

Yu. Kuchin

Moscow State Regional University

THE PROBLEM OF KRIVICHS' ETHNIC IDENTIFICATION IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE MID. XXTH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

Аннотация. В статье рассматривается отечественная историография проблемы этнической идентификации кривичей. Хронологические рамки историографического обзора определены второй половиной XX – началом XXI вв. В этот период появилось значительное число работ, посвящённых «кривичской» проблематике. Поэтому обобщение результатов научных исследований этнической идентификации кривичей за данный отрезок времени имеет актуальное значение. Автор обозначены основные проблемы и подходы отечественной историографии в освещении данной темы.

Ключевые слова: историография, восточные славяне, кривичи, этническая идентификация.

Abstract. The article deals with the way the problem of Krivichs' ethnic identification was reflected in national historiography. The chronological framework of historiographical review is defined by the second half of the XXth century and the beginning of the XXIst century. Within the period mentioned a lot of works were devoted to the investigation of Krivichs. Therefore, the generalization of the research results is relevant. Author determines the basic problems and approaches to the theme existing in the national historiography.

Key words: historiography, the eastern Slavs, Krivichs, ethnic identification.

Предметом исследования в статье является историография вопроса об этнической принадлежности кривичей. Хронологические рамки определены периодом с середины XX в. и до наших дней. Исследовательский интерес к данному периоду обусловлен тем, что в это время в отечественной исторической науке: 1) появляется значительное число научных работ, которые в общем объёме всех исследований, посвящённых этническому аспекту истории кривичей, составляли и продолжают составлять основной историографический пласт; 2) формируются целостные научные подходы к этнической идентификации кривичей.

Особенностью обозначенного историографического периода является активное использование при рассмотрении «кривичского» вопроса археологических источников, что явилось

следствием постоянных и системных, начиная с 50-х гг. XX в., археологических изысканий, направленных на получение материальных свидетельств по истории кривичей.

Историографический обзор уместно начать с констатации того, что к середине XX в. советская историческая наука не имела однозначного ответа на вопрос об этнической идентификации кривичей. Например, Б.А. Рыбаков в работе «Древние русы», упоминая племенные «огромные союзы, возникшие за несколько веков до летописца», пишет, что кривичи объединяли, «возможно, и славян и часть литовских племён (сохранивших древнее имя кривичей в имени бога Криве)» [17, с. 26]. Такая же этническая характеристика была дана Рыбаковым союзу кривичей в журнале «Вопросы истории» [18, с. 43].

Позднее (в 1958 г.) во 2-м томе серии «Очерков истории СССР» Рыбаков по-прежнему осторожно, предположительно указывает: «Кривичи, вероятно, представляли некогда крупный союз племён, в который могли входить и некоторые литовские племена (например, голядь и др.)» [16, с. 858]. Присутствие слов «возможно», «вероятно» в выводах Рыбакова связано не в последнюю очередь с тем, что в тот период времени в советской исторической науке общее распространение имело утверждение о славянском происхождении кривичей.

Так, в монографии П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена» кривичи рассматриваются как «группа северного славянства» [34, с. 233]. И далее в той же работе констатируется: «В настоящее время можно считать вполне установленным, что кривичи, как и словене новгородские, представляли собой древнее и этнически своеобразное объединение восточного славянства – прочный союз исторически и этнически родственных племён» [34, с. 234]. В вышедшем в 1965 г. 8-м томе «Советской исторической энциклопедии» выводы Третьякова, изложенные в указанной работе, легли в основу его статьи, посвящённой кривичам, где последние определены как «восточнославянское племенное объединение» [36, с. 150]. В 1953 г. в

серии «По следам древних культур» выходит книга, посвящённая археологическим исследованиям истории древней Руси. В статьях П.Н. Третьякова [38] и С.А. Таракановой [33] на основе археологического материала кривичи этнически определены как известное по древнерусским летописям под этим именем славянское население.

Другим известным учёным, у которого мы встречаем в начале 50-х гг. прошлого века славянскую идентификацию кривичей, был А.Н. Насонов. В его докладе «К вопросу об образовании древнерусской народности», представленном на заседании учёного совета Института истории, кривичи – наиболее значительное племя северной группы восточнославянского населения [15, с. 69]. Следует упомянуть В.В. Мавродина, также рассматривавшего кривичей как часть восточного славянства [14].

В 1954 г. была защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Кривичи и словене», автором которой был В.В. Седов. Работа будущего крупного исследователя славянской этнической истории, ставшего одним из тех, чья научная деятельность по времени почти целиком охватывает рассматриваемый в настоящей статье историографический период, высоко была оценена И.И. Ляпушкиным. В своей монографии «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства» он выражал сожаление, что «Проделанная В.В. Седовым большая работа в связи с его диссертацией «Кривиче и словене» не нашла отражения в печати. Больше того, этих материалов нет даже в архиве Института археологии, где хранится рукопись диссертации...» [13, с. 96].

Первой научной публикацией В.В. Седова, касающейся кривичской тематики, с полным правом можно считать статью «Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX-XIV вв.)» в сборнике «Советская археология» [31]. В этой статье Седов, анализируя археологический материал, предположительно характеризующий новое этническое объединение, в качестве

компонентов такого объединения указывал на несколько «древних славянских племён: словен новгородских, кривичей, полочан» [31, с. 193].

В другой важной для понимания формирующейся концепции В.В. Седова работе «Кривичи», опубликованной в 1960 г. [25], полочане – уже не отдельная восточнославянская этническая общность, а одна из трёх локальных групп кривичей. И эти «три локальные группы кривичей – псковская, смоленская и полоцкая в дальнейшем имеют самостоятельное обособленное развитие», в соответствии с которым, по мнению исследователя, «можно говорить о трёх политических объединениях (племенных союзах)... – союзе псковских кривичей, союзе смоленских кривичей и союзе полочан» [25, с. 62]. Позднее В.В. Седов, уточняя и эту точку зрения, не разделяет кривичей на смоленских и полоцких, а считает, что кривичи «уже на ранней стадии дифференцировались на две этнографические группы – псковскую и смоленско-полоцкую» [29, с. 385].

С именем В.В. Седова связано начало дискуссии в 60-70-е гг. XX в. по ещё одному вопросу, касающемуся этнической идентификации кривичей. В 1967 г. в номере 2-м журнала «Советская этнография» в разделе «Дискуссии и обсуждения» публикуется статья «К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов)» [24], в которой В.В. Седов высказал мнение о значимости роли балтского субстрата в формировании белорусской народности. Свои наблюдения о присутствии балтского следа в археологическом материале, относимом к древнерусским древностям, исследователь публиковал и ранее [30]. Поэтому можно сказать, что дискуссионная статья была результатом выводов В.В. Седова, основанных на данных археологических изысканий.

В 4-м номере «Советской этнографии» за тот же год публикуется по обсуждаемой тематике статья П.Н. Третьякова [35]. В следующем, 1968 г., к дискуссии присоединяются В.А. Жучкевич [9] и М.Я. Гринблат [8]. В 1-м номере 1969 г. В.В. Седов публикует свой от-

вет на критические замечания [23]. В обсуждение роли балтского субстрата после выхода в 1970 г. работы В.В. Седова «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» [27] включаются Г.Ф. Соловьева [32]¹ и М.И. Артамонов [6].

Высказанные В.В. Седовым положения о балтском субстрате в формировании восточнославянской общности кривичей (а точнее, их части, определяемой исследователем как смоленско-полоцкие кривичи) становятся одним из основополагающих элементов его гипотезы этнического происхождения кривичей. Так, например, в работе «Славяне в раннем средневековье» имеется следующее обобщение: «Кривичи – одно из восточнославянских племен, формировавшееся в результате метисации пришлого славянского населения с местными балтскими племенами» [28, с. 47]. В отдельном томе серии «Археология СССР с древнейших времён до средневековья», посвящённом восточным славянам VI-XIII вв., этот тезис дан в такой редакции: «Балтские элементы в кривичских курганах VIII-XII вв. бесспорно свидетельствуют об участии дославянского этнического элемента в генезисе смоленско-полоцких кривичей. Очевидно, важнейшие культурно-племенные признаки их и обособление от псковских кривичей обусловлены славянизацией балтов...» [19, с. 164]. В свою очередь, согласно утверждениям В.В. Седова, одной из особенностей этнографической группы псковских кривичей было наследие дославянского прибалтийско-финского населения [21, с. 142].

Ключевым моментом «кривичской» гипотезы В.В. Седова является признание им принадлежности археологической культуры длинных курганов кривичам. Такая этническая атрибуция длинных курганов была еще дана Седовым в самом начале его научной деятельности [25], не изменилась она и в последующем [26, с. 17]. Отдельному и подробному описанию длинных курганов было посвящено опубликованное в серии «Археология СССР. Свод археологических источников» в 1974 г. исследование, в котором В.В. Седов, основываясь на имеющихся в тот период времени ре-

¹ См. ответ В.В. Седова [22].

зультатах археологических изысканий, определил этническую принадлежность «людей, похороненных в длинных курганах» как кривичскую. Но кривичи – «это не только пришедшие носители славянского языка, но и местное население, смешавшееся с пришельцами. Поэтому не будет ошибкой назвать длинные курганы памятниками смешанного славяно-балто-финского населения» [20, с. 40].

Наконец, определяющим во взглядах В.В. Седова по «кривичскому» вопросу было его утверждение о «миграции средневропейского населения» на территорию, относимую летописями к кривичской, иначе говоря, «предположение о западном происхождении кривичей» [19, с. 58]. Т. е. речь идет о западном этническом суперстрате и местном субстрате.

Таким образом, позицию В.В. Седова по этнической идентификации кривичей можно представить следующим образом: 1) кривичи – славянская по окончательному формированию этническая общность; 2) исходно «западного происхождения»; 3) древнейшими археологическими памятниками которой являются длинные курганы; 4) археологически кривичи выделяются в две этнографические группы – а) смоленско-полоцкие кривичи, б) псковские кривичи; 5) в формировании кривичей важная роль принадлежит местному неславянскому этническому субстрату: а) участие одного из которых – балтского – легло в основу этнографической группы смоленско-полоцких кривичей, б) другого – преимущественно прибалтийско-финского (но также и балтского) – легло в основу этнографической группы псковских кривичей; 6) археологически кривичи прослеживаются до XIII века [19, с. 158-159].

П.Н. Третьяков полагал, что в середине и 2-й половине I тыс. н.э. движение славян «отдельными ручейками» осуществлялось с юга, хотя, «возможно, наперерез их движению с запада шла другая, сравнительно незначительная волна славянского расселения», причем балтское население сохранялось в виде «островков» [40, с. 280]. В конце 3-й четверти I тыс. н.э., по мнению исследователя, последо-

вала новая миграционная волна славянского населения, оставившего «после себя своеобразные погребальные памятники – длинные курганы» [40, с. 280]. Это были кривичи, «западное» происхождение которых П.Н. Третьяковым не отрицалось [40, с. 282]. Признавал П.Н. Третьяков и участие местных балтов, подвергшихся ассимиляции славянами, в формировании славянских этнических общностей [37], но не считал балтийский субстрат исключительной особенностью белорусской народности, а относил его наличие к формированию всей древнерусской народности [39].

Таким образом, взгляды В.В. Седова на восточнославянскую этническую историю были близки к взглядам П.Н. Третьякова, который также считал кривичей славянами и связывал длинные курганы с этим славянским населением [34, с. 233-236]. Это позволило Е.А. Шмидту в одной из последних своих работ, посвященных кривичам, употребить формулировку «концепция Третьякова-Седова» [47, с. 23].

Несколько отличное от взглядов П.Н. Третьякова и В.В. Седова мнение об этнической принадлежности кривичей было высказано В.Л. Яниным и М.Х. Алешковским в статье, посвященной вопросу происхождения Новгорода. По мнению авторов данной публикации, принимая во внимание свидетельства археологии и лингвистики о «балтийско-славянском контингенте населения Новгорода», с учётом кривичской атрибуции культуры длинных курганов, которая хотя и «не имеет чисто славянского облика» (объясняется это тем, что «балтийские славяне в своем движении с запада на восток должны были пройти через неславянские массивы племен и осесть среди этих массивов, подпав под влияние их культуры»), «неизбежно следует признать кривичей славянами», но славянами балтийскими [51, с. 51].

Гипотезы В.В. Седова в основном придерживался и Л.В. Алексеев. В вышедшей в свет в 1966 г. монографии «Полоцкая земля» [4] им уделено внимание этнической атрибуции длинных курганов (которые Л.В. Алексеев

полагал кривичскими [4, с. 34]), проанализированы результаты по более поздним археологическим памятникам [4, с. 35-49], сделан вывод об ассимиляции кривичами в Полотчине и Смоленщине аборигенного балтийского населения [4, с. 34]. В очерке о Полоцкой земле, исследователь, ссылаясь, в числе других авторов, на В.В. Седова и не рассматривая «кривичскую» тему подробно, пишет о славянстве кривичей [3, с. 206] и принадлежности им длинных курганов [3, с. 212-215]. В 2007 г. данная работа Л.В. Алексеева была напечатана в 5-м выпуске серии «Наследие Полоцкой земли» (с небольшими картографическими и иллюстративными дополнениями) [2].

В монографии Л.В. Алексеева, посвященной Смоленской земле в IX -XIII вв., опубликованной в 1980 г., культуре длинных курганов отведено незначительное место [5, с. 33-35]. Про этническую атрибуцию этой археологической культуры сказано, что она, «по В.В. Седову – славянская, по мнению некоторых других исследователей, – также балтская» [5, с. 33]. О бесспорно славянских племенах на территории будущего Смоленского княжества, по мнению автора, «можно говорить лишь с IX в. То были кривичи...» [5, с. 33]. Одной из последних работ Л.В. Алексеева, касающейся рассматриваемой нами тематики, является сводный труд «Западные земли домонгольской Руси» [1], опубликованный в 2006 г.

Подытоживая, можно причислить В.В. Седова и близких к нему по взглядам других исследователей к представителям того подхода к этнической идентификации кривичей, который условно назовем «славянским».

В археологическом аспекте проблема этнической принадлежности кривичей во многом связана, о чём уже говорилось, с этнической интерпретацией погребений длинных курганов. Славянская атрибуция этих археологических памятников признавалась не всеми отечественными исследователями.

Следует отметить, что подобного рода суждения в работах некоторых из них не всегда сопровождались отрицанием принадлежно-

сти кривичей к славянам. Так, в уже упомянутой рецензии на работу В.В. Седова «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» М.И. Артамонов пишет: «Мнение о славянской принадлежности длинных курганов и в настоящее время распространено в археологической науке, хотя и не может считаться доказанным. То, что эти курганы не кривичские, вытекает из их распространения за границами кривичской территории. ...самая принадлежность их не только кривичам, но и славянам вообще остаётся более чем сомнительной. С значительно большей вероятностью, чем славянскими, их можно признать балтскими памятниками» [6, с. 251]. В другом месте: «Длинные курганы следует учитывать наряду с другими памятниками, представляющими тот балтский субстрат, с участием которого происходило формирование белорусов...» [6, с. 254].

В работе И.И. Ляпушкина «Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства» читаем: «...мнение, что древнейшими известными археологическими памятниками кривичей являются длинные курганы ...принять ...в той общей форме, в какой оно выступает в литературе, нельзя» [13, с. 19-20]; «...длинные курганы не могут быть признаны специфическими погребальными памятниками ...кривичей, даже если допустить, что они в какой-то своей части оказались бы памятниками славянской культуры. Однако достаточных данных для обоснования этого (последнего) положения ...нет» [13, с. 96]; «...длинные курганы VIII-IX вв. являются свидетелями ...того, что в VIII-IX вв. наряду с проникшими сюда славянами здесь продолжали жить и балты» [13, с. 117-118]; «...достоверно славянскими могильными памятниками ...следует считать круглые и полусферические курганы с трупопожжением» [13, с. 117]. Но в то же время кривичи Ляпушкиным упомянуты в одном месте работы как северные славяне [13, с. 22], а в обзоре письменных источников – как одно из славянских племён [13, с. 24].

Доводы Артамонова и Ляпушкина о неславянской принадлежности длинных курганов, приведённые в указанных работах, были

рассмотрены В.В. Седовым и, по его выражению, «отвергнуты» [19, с. 54] в монографии, посвящённой этим археологическим памятникам [20, с. 36-41].

Для понимания дальнейшего формирования позиции М.И. Артамонова по этнической идентификации кривичей необходимо обратиться к опубликованной уже после его смерти (в 1990 г.) статье, пролежавшей в архиве, как указано редакцией, «почти 20 лет». В ней автор уже считает возможным утверждать, что в IX в. кривичи ещё не славяне, а балты, и «название «кривичи», по-видимому, не славянское, а балтское, только в славянской огласовке, перенесённое с балтов на славян» [7, с. 284].

Среди исследователей, которые занимают «колеблющуюся позицию в отношении длинных курганов», И.И. Ляпушкин в последней своей монографии называет Е.А. Шмидта и Е.И. Горюнову [13, с. 96].

Упоминание Ляпушкиным имени Шмидта в таком контексте станет для нас отправной точкой для рассмотрения иного подхода к этнической идентификации кривичей, отличного от того, к которому принадлежал Седов.

Обращение к работам Е.А. Шмидта закономерно. Е.А. Шмидт, так же как В.В. Седов, является представителем поколения исследователей, чья научная деятельность началась в 50-х гг. XX в. и по времени охватывает рассматриваемый в настоящей статье историографический период. Предметом его научного интереса была и остаётся история кривичей и археологическая культура длинных курганов. Как писал сам Шмидт в одной из последних своих работ, изучением культуры длинных курганов он занимается с 1951 г., а раскопки их в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья им проводились «в течение ряда лет с 1952 по 1994 гг.» [47, с. 26].

Важно также, что взгляды Е.А.Шмидта по вопросу этнической принадлежности кривичей в полной мере отражают отношение части научного сообщества к данной проблеме, сформировавшееся во многом на отрицании славянского происхождения длинных курганов.

В 1963 г. в «Материалах по изучению Смоленской области» публикуется исследование Шмидта об археологических памятниках 2-й половины I тысячелетия, в котором автор смоленско-полоцкие курганы относит к древностям балтов [42]. В дальнейшем, уже в XXI в., Шмидт неоднократно обращается к этой своей работе в более поздних исследованиях [47, с. 30, 49; 50, с. 114, 115]. В 1969 г. в работе, посвящённой балтской культуре, Шмидт вновь высказывает мнение о возникновении длинных курганов «в балтийской среде» [43, с. 144]. К тем же выводам исследователь приходит после изучения женского инвентаря смоленских длинных курганов, что находит своё отражение в публикации 1970 г. в «Материалах по изучению Смоленской области» [44].

Таким образом, с 60-х гг. XX в. археологическая культура смоленско-полоцких длинных курганов рассматривается Шмидтом как имеющая балтское происхождение¹. Данное утверждение является ключевым моментом в его подходе к этнической идентификации кривичей.

Собственно «кривичская» тематика стала разрабатываться Шмидтом вслед за признанием этим исследователем к началу 70-х гг. прошлого века смоленско-полоцких длинных курганов кривичскими археологическими памятниками. Его работы, посвящённые кривичам, выходят в 1972 [48], 1973 [41], 1980 [49], 1985 [45] и последующих годах.

Позицию Е.А. Шмидта по этнической идентификации кривичей можно представить следующим образом: 1) «кривичи как группа населения сформировались к рубежу VII и VIII вв. в землях Восточной Литвы и Юго-Восточной Латвии и по своей культуре были балтами. В VIII в. расселились на значительных пространствах Подвинья и Поднепровья» [46, с. 78]; 2) археологическими

¹ За рамками настоящей статьи остаются изменения в позиции Е.А. Шмидта по длинным курганам на разных этапах его научной деятельности. Представляется важным, что начавшаяся формироваться с первых лет исследовательской работы его точка зрения на смоленские длинные курганы как древности балтов в дальнейшем стала ключевой в его научных взглядах.

памятниками этого балтского населения является культура смоленско-полоцких длинных курганов; 3) данная археологическая культура «распространилась в Поднепровье и Подвинье в уже сложившемся виде» [50, с. 118]; 4) балтское население культуры длинных курганов будет правильнее условно называть «Крива (Krieva)» [47, с. 113]; 5) к середине IX в. среди балтов «постепенно расселяются славянские племена»: а) «на Двине – славяне-полочане», б) на Днепре – «смоляне» [47, с. 79]; 6) происходит процесс ассимиляции славянами местного балтского населения; 7) «культура двух групп населения настолько сближается, и патронимический этноним «кривичи» к XI в. распространяется на все население Смоленского Поднепровья, Витебско-Полоцкого Подвинья и Верхнего Поволжья, т. е. на славянизированных Krieva, славян и некоторые группы славянизированных поволжских финнов, обитавших на рассматриваемых нами пространствах» [47, с. 79-80].

Для обоснования своих выводов Е.А. Шмидт приводит не только данные археологических источников, но также обращается к письменным памятникам. По мнению исследователя, в пользу балтской идентификации кривичей свидетельствуют известия о кривичах в недатированной части «Повести временных лет». Он обращает внимание на то, что «среди пришедших славянских племен, владевших славянской грамотой, кривичи не названы», «в отличие от всех славянских племен для кривичей используется определение «сеждать» без «пришли», так же как и для неславянских племён, «кривичи и их места расселения характеризуются не теми определениями, как все славяне», следовательно, кривичи «приравниваются к неславянским аборигенным племенам» [47, с. 115]. «Летописец, по всей видимости, сознательно не причислил кривичей к племенам, говорившим по-славянски, или к племенам, имевшим другие свои языки, так как их язык даже в его время (рубеж XI и XII вв.) имел свои особенности и несколько отличался от языков славянских племен, обитавших в Поднепровье

и на смежных территориях, хотя, возможно, был летописцу понятен в отличие от «инни языци», – утверждает он [47, с. 116].

По мнению Е.А. Шмидта, у кривичей был свой язык, отличный от славянского. В последующем, когда в результате контактов со славянами активизировалась ассимиляция кривичей, «не исключено, что первоначально возникало двуязычие, ... язык кривичей стал заметно изменяться», однако, «еще в XI в. у кривичей сохранялись некоторые особенности их, уже славянизированного языка» [47, с. 116].

Итогом исследований Е.А. Шмидта стало формирование подхода к этнической идентификации кривичей, который условно можно назвать «**балтским (или балтийским)**».

Не находит места кривичам среди славянских этнических общностей в известиях «Повести временных лет» и Г.С. Лебедев. Исследуя этногеографию Восточной Европы по материалам этого письменного источника, Лебедев представил классификацию летописных этнических общностей, в которой кривичи – автохтоны, в отличие от славянских племён, которые являются мигрантами. В иерархии восточноевропейских племён по характеристикам «Повести временных лет» кривичи занимают место между славянскими и не славянскими племенами [11, с. 415-423; 12].

Однако представление Лебедева об этнической принадлежности кривичей отлично от мнения Шмидта, как впрочем, и Седова. В одной из работ Лебедева содержится гипотеза, в которой этническая идентификация кривичей рассматривается все же через призму славянского этногенеза [10]. По мнению исследователя, «в глубинах лесной зоны Восточной Европы продолжалось самостоятельное развитие «протославянских» группировок... Это проявилось и в своеобразном двойственном положении таких этнических образований, как летописные «кривичи» [10, с. 112]. Поэтому, считает Лебедев, «Повесть временных лет не включает их в число племён «славянского языка», но и не обособляет от остальных славян как иноязычные финно-

угорские или летто-литовские племена. Они, видимо, воспринимались как население, хотя и отличное по своим историко-этнографическим судьбам, но близкородственное славянам...» [10, с. 112].

Подход Г.С. Лебедева к этнической идентификации кривичей можно условно называть «протославянским» и представить в следующем виде: 1) кривичи – «протославянская» этническая общность; 2) представляющая собой «население, хотя и отличное по своим историко-этнографическим судьбам, но близкородственное славянам»; 3) древностями этого населения являются смоленско-полоцкие длинные курганы, «а, возможно, также... новгородские сопки и псковско-боровичские длинные курганы» [10, с. 112].

Таким образом, в рассматриваемый историографический период сформировались различные научные направления исследования этнической принадлежности кривичей. Отсутствие единства по данному вопросу объясняется недостаточностью соответствующих письменных источников и, как следствие этого, необходимостью прибегнуть к интерпретации существовавшего археологического материала, за счёт которого происходило (и происходит) расширение исследовательской базы. Между тем данные археологических изысканий на сегодняшний день не позволяют дать однозначного ответа на поставленный перед научным сообществом вопрос об этнической идентификации летописных кривичей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. В 2 кн. Кн.1. – М.: Наука, 2006. – 289 с.
2. Алексеев Л.В. Полоцкая земля. – Полоцк: А.И. Судник, 2007. – 50 с.
3. Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. – М.: Наука, 1975. – С. 202–239.
4. Алексеев Л.В. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX-XIII вв. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
5. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
6. Артамонов М.И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья (В.В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970) // Советская археология. – 1974. – № 1. – С. 245–254.
7. Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. – 1990. – № 3. – С. 271–290.
8. Гринблат М.Я. К происхождению белорусской народности (По поводу теории субстрата) // Советская этнография. – 1968. – № 5. – С. 79–92.
9. Жучкевич В.А. К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов // Советская этнография. – 1968. – № 1. – С. 107–113.
10. Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – С. 105–115.
11. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
12. Лебедев Г.С. Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет» // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 103–111.
13. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Материалы и исследования по археологии СССР. № 152. – Л.: Наука, 1968. – 187 с.
14. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. – 432 с.
15. Насонов А.Н. К вопросу об образовании древнерусской народности // Вестник АН СССР. – 1951. – № 8. – С. 69–70.
16. Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 947 с.
17. Рыбаков Б.А. Древние русы (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина) // Советская археология. XVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 23–104.
18. Рыбаков Б.А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. – 1952. – № 9. – С. 40–62.
19. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 326 с.
20. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. Археологические исследования. – М.: Наука, 1980. – 261 с.

- логия СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-08. – М.: Наука, 1974. – 67 с.
21. Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 317 с.
 22. Седов В.В. Ещё раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (о статье Г.Ф. Соловьевой «О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья») // Советская археология. – 1973. – № 3. – С. 73–81.
 23. Седов В.В. Ещё раз о происхождении белорусов // Советская этнография. – 1969. – № 1. – С. 105–121.
 24. Седов В.В. К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 112–129.
 25. Седов В.В. Кривичи // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 47–62.
 26. Седов В.В. Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 218. – М.: Наука, 2005. – С. 12–24.
 27. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Материалы и исследования по археологии СССР. № 163. – М.: Наука, 1970. – 199 с.
 28. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. – М.: Фонд археологии, 1995. – 416 с.
 29. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 624 с.
 30. Седов В.В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 103–121.
 31. Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. XVIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 190–229.
 32. Соловьева Г.Ф. О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья // Советская археология. – 1971. – № 2. – С. 124–132.
 33. Тараканова С.А. Древности Псковской земли / По следам древних культур: Древняя Русь. – М.: Гос. Изд-во культ.-просв. лит.-ры, 1953. – С. 187–216.
 34. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 311 с.
 35. Третьяков П.Н. Восточные славяне и балтийский субстрат // Советская этнография. – 1967. – № 4. – С. 110–118.
 36. Третьяков П.Н. Кривичи // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – С. 150.
 37. Третьяков П.Н. О балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья // Acta Baltico-Slavica. Т. VI. – Bialystok, 1969. – С. 117–128.
 38. Третьяков П.Н. У истоков древней Руси / По следам древних культур: Древняя Русь. – М.: Гос. Изд-во культ.-просв. лит.-ры, 1953. – С. 9–34.
 39. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. – Л.: Наука, 1970. – 156 с.
 40. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.-Л.: Наука, 1966. – 307 с.
 41. Шмидт Е.А. Археологические данные о формировании кривичей // Этногенез белорусов: тезисы докладов на конференции, 3–6 дек. 1973 г. – Минск: АН БССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора, 1973. – С. 21–23.
 42. Шмидт Е.А. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып.5. – Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1963. – С. 85–128.
 43. Шмидт Е.А. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I-го тысячелетия н.э. // Acta Baltico-Slavica. Т. VI. – Bialystok, 1969. – С. 129–144.
 44. Шмидт Е.А. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VII. – М.: Московский рабочий, 1970. – С. 219–235.
 45. Шмидт Е.А. К вопросу об этническом составе населения Смоленского Поднепровья и Подвинья в IX–X вв. н.э. // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. – М.: Наука, 1985. – С. 117–118.
 46. Шмидт Е.А. Кривичи и варяги на волоках пути «Из варяг в греки» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. Памяти Игоря Сергеевича Чичурова. – М.: Индрик, 2010. – С. 78–87.
 47. Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). – Смоленск: И.А.Флиманкова, 2012. – 168 с.
 48. Шмидт Е.А. О некоторых особенностях курганных погребений XI–XIII вв. в земле кривичей // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 145–151.
 49. Шмидт Е.А. Особенности погребального обряда кривичей XI – начала XIII вв. в верховьях Днепра в связи с вопросами их этногенеза // Те-

- зисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980 г. – М.: Наука, 1980. – С. 87–89.
50. Шмидт Е. Особенности этнокультурного развития племён Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII-X веках н.э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2002. – № 22. – С. 113–120.
51. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. – 1971. – № 2. – С. 32–61.